

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

СИМПОЗИУМ ПО ПРОБЛЕМАМ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НА ВОСТОКЕ

(Ереван, 21—25 мая 1980 г.)*

С 21 по 25 мая 1980 г. в Ереване состоялся Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке, организованный сектором античной археологии ордена Трудового Красного Знамени Института археологии АН СССР и отделом античной археологии Армении Института археологии и этнографии АН АрмССР. В работе симпозиума принял участие широкий круг специалистов: историков, археологов и искусствоведов из научно-исследовательских институтов, музеев и высших учебных заведений Москвы, Ленинграда, Еревана, Тбилиси, Баку, Ташкента, Душанбе и других городов нашей страны. Прочитанные доклады (числом около 50) свидетельствуют о широте разработки советскими учеными проблем эллинистической культуры — докладчики говорили об истории материальной и духовной культуры различных регионов Северного Причерноморья, Закавказья и Средней Азии, о взаимоотношениях местных и эллинистических начал, путях распространения эллинистической культуры, традиционализме и инновациях. Доклады общего характера, в которых подводились итоги сделанному и намечались новые проблемы и пути исследования, дополнялись докладами, посвященными более конкретным вопросам или результатам последних археологических работ. Основная часть докладов касалась истории и культуры Армении, Грузии и Средней Азии.

Начнем с докладов более общего характера. *В. Д. Блаватский* (Москва) в докладе «О некоторых явлениях в художественной жизни эллинизма» обратился к эллинистической культуре в целом и отметил в ней ряд новых явлений. Грандиозные социально-экономические сдвиги и резкие политические перемены, потрясавшие Восточное Средиземноморье со времени диадхов, способствовали значительным изменениям, охватившим различные стороны жизни, мировоззрение, науку и искусство. Темп жизни заметно ускорился. В этих новых условиях развивается представление о большом значении судьбы и случая, возрастает роль культа Тихи и почитание Кайроса. Широкое распространение получают скульптуры с суммарно исполненной или оставленной вовсе неотделанной спиной, т. е. рассчитанные на более беглое ознакомление с ними зрителей.

Общую характеристику терракот эллинистического времени дала в докладе «Терракоты эллинистического города» *М. М. Кобылина* (Москва). Сохраняя культовое значение, терракоты в эллинистическую эпоху получают большое распространение, будучи связаны с жизнью города, с бытом его обитателей. Относясь к характерному

* В основу настоящей хроники положены тезисы докладов, прочитанных на симпозиуме: Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Тезисы докладов. Ереван, 1980.

для эллинистической скульптуры разделу — жанру, терракоты, может быть, ярче, чем монументальная скульптура, отражают новые интересы человека, его отношение к различным явлениям жизни. В частности, в коропластике нашло отражение распространение чужеземных культов и создание синкретических божеств.

В докладе «Ареал родосской торговли на эллинистическом Востоке» *И. Б. Брашинский* (Ленинград) на основании картографирования находок родосских клейм выделил три основных направления торговли острова с восточными странами: в Левант, в Армению, а третье шло через Месопотамию и Персидский залив к Индии. Анализ амфорных клейм позволяет также выяснить изменения интенсивности этой торговли. Вместе с тем, как отметил докладчик, необходимо учитывать, что этот источник допускает альтернативные толкования.

И. Г. Шургая (Ленинград) посвятил свой доклад недостаточно еще разработанной проблеме «Эллинистический Египет и города Северного Причерноморья». По мнению докладчика, между Ольвией и Александрией существовали прямые и достаточно регулярные контакты, весьма раннее возникновение которых (с III в. до н. э.) *И. Г. Шургая* склонен объяснять близостью Ольвии к Западному Причерноморью. Контакты Александрии с Херсонесом и Боспором в раннеэллинистическое время, вероятно всего, были эпизодическими. Картина меняется со II в. до н. э., когда уже существовал регулярный маршрут из Меотиды через Родос в Александрию.

В. И. Исаева (Москва) в докладе «Конфронтация греков и варваров в политической мысли Эллады» говорила о том, что оформление устойчивой антитезы «эллин — варвар» связано с Греко-персидскими войнами и победой греков. Пелопоннесская война способствовала использованию этой антитезы в разработке межполисных отношений. Широкое распространение в это время получила идея панэллинизма. В IV в. до н. э. меняет свое содержание призыв к единству, который теперь понимается как объединение с целью завоевательного похода на Восток.

Как показал *Г. Х. Саркисян* (Ереван) в докладе «К вопросу о характере и периодизации материальной культуры Армении эллинистического периода», импортные изделия и памятники материальной культуры местного производства сосуществуют в Армении на протяжении всего эллинистического и постэллинистического периодов. Что же касается предметов и явлений, имитирующих импортные образцы или обнаруживающих сочетание местных и привнесенных элементов в различных соотношениях (от механического симбиоза до органического слияния), т. е. эллинистической культуры в собственном смысле этого слова, то эта культура возникает, судя по имеющимся сегодня материалам, лишь в начале I в. до н. э. и продолжает существовать в постэллинистический (с точки зрения общей хронологии эллинизма) период. Иными словами, «эллинизм» в материальной культуре Армении должен датироваться I в. до н. э. — III в. н. э.

Б. Н. Аракелян (Ереван) прочитал доклад «Заметки о хозяйстве и быте городов древней Армении», где отметил, что в черте древнеармянского города не было ни садов, ни огородов и хозяйственная деятельность населения ограничивалась здесь ремеслом и торговлей. Однако городское население имело земельные участки в округе, обеспечивавшие их сельскохозяйственными продуктами. Мелкие города, по-видимому, мало чем отличались от селений, тогда как большие города были крупными центрами ремесла и торговли. Среди них выделялся Арташат — один из центров мировой торговли. О развитии коммунального хозяйства свидетельствуют система водоснабжения и бани.

Рассматривая древнеармянский город как административно-хозяйственный центр определенной сельскохозяйственной округи, *С. М. Кржашарян* (Ереван) в докладе «Некоторые эллинистические черты древнеармянского города» отметил такие его особенности, как основание путем синейкизма, династические названия, наличие царского эпистата и др.

О сельских поселениях шла речь в докладе *И. А. Каранетяна* (Ереван) «Эллинистическая культура и сельские поселения Армении». На основании материалов раскопок городища Карцахпюр, ведущихся с 1975 г., докладчик заключает, что в поселе

ниях Армении эллинистического времени развивается созданный в местных условиях и приспособленный к ним тип народного жилища.

Сочетание эллинистических и местных черт в материальной и духовной культуре эллинистической Армении на материале раскопок Ширакавана показал *Ф. И. Тер-Мартirosов* (Ереван) в докладе «Традиционализм и инновация в эллинистической Армении». Устанавливая место Ширакавана в ряду других памятников античной Армении, докладчик определяет его как «храмовую общину» или «ремесленную деревню-аван» с сильными культовыми чертами.

С. Т. Еремян (Ереван) в докладе «Эллинизм и христианство в Армении» выявил своеобразную роль, которую сыграла эллинистическая культура в период распространения христианства в Армении. В политических условиях III—IV вв., когда значительная часть Великой Армении находилась под властью сасанидского Ирана, пропаганда христианства получала антисасанидскую направленность. Принятие христианства в Армении усилило влияние эллинистической культуры, поскольку армянской письменности еще не существовало. После изобретения Месропом Маштоцом армянского алфавита разворачивается грандиозная переводческая деятельность. В армянской образованной среде складывается модифицированная форма эллинистического мышления уже на армянском языке. Освоение эллинизма происходило творчески и привело к сложению раннефеодальной культуры Армении.

Разностороннее влияние эллинистической культуры на становление раннефеодальной культуры Армении было показано также в докладах *А. А. Саиняна* (Ереван) «Значение архитектуры античных сооружений крепости Гарши в деле формирования армянской архитектуры раннехристианского периода (IV—V вв.)», *Э. Л. Даниеляна* (Ереван) «Плиний Старший и Аваня Ширакаци» и *Р. О. Варданяна* (Ереван) «Отражение традиции античной метрологии в раннесредневековых армянских первоисточниках».

Одному из эпизодов политической истории Армении был посвящен доклад *В. П. Яйленко* (Москва) «Полемон, царь Армении», содержащий предложенное докладчиком восстановление и интерпретацию одной из посвященных надписей из Амфиполя. По мнению *В. П. Яйленко*, Полемон был на царском престоле Армении в 38—39 или 40 г.

Портретный бюст мужчины на перстне, найденном в 1950 г. на некрополе Фанагории, стал предметом доклада *О. Я. Неверова* (Ленинград) «Бронзовый перстень с портретом армянского царя из Фанагории». Исходя из характера головного убора, докладчик считает, что на перстне изображен царь Артавазд II. Объяснение такой находке в азиатской столице Веспора *О. Я. Неверов* ищет в традициях клентелы и родства.

Различным аспектам культуры Грузии в эллинистическую эпоху были посвящены доклады *Г. А. Лордкипанидзе*, *Н. Н. Матиашвили*, *Н. Ш. Кигурадзе*, *Д. А. Хахутайшвили*, *О. Д. Лордкипанидзе*.

В докладе «Пути распространения эллинистической культуры в Колхиде» *Г. А. Лордкипанидзе* (Тбилиси) показал, как протекал длительный и сложный процесс взаимовлияния двух культур — греческой и колхской. Отчетливо это видно на примере раскопок некрополя в Пичвარი. Если в VI—V вв. до н. э. греческому влиянию подвергались представители высших слоев колхского раннеклассового общества, то в эллинистическую эпоху — сравнительно широкие слои городского и сельского населения. Указав на новые явления в жизни Колхиды в эллинистическую эпоху — развитие городов, распространение греческого строительного дела, ордерной архитектуры и др., докладчик подчеркнул, что эллинизация Колхиды была связана с естественным процессом социально-экономического развития страны.

Говоря об эллинистическом характере культуры Колхиды с III в. до н. э., *Н. Н. Матиашвили* в докладе «Эллинизм в Колхиде» большое внимание уделил обнаруженным в Вани изображениям божеств греческого пантеона и монументальным алтарям. Распространению эллинизма в Колхиде, как считает докладчик, способствовало ее включение в международную торговлю.

Воздействие античных традиций на культуру кавказских иберов на материале

раскопок Уплисхихе показал *А. Д. Хахутайшвили* (Батуми) в докладе «Отражение эллинистических традиций в материальной культуре Уплисхихе». Интенсивное с раннеэллинистического времени, это воздействие, по мнению докладчика, особенно заметно в строительном деле и некоторых отраслях ремесленного производства.

Н. Ш. Кигурадзе (Тбилиси) в докладе «Колхское село в эллинистическую эпоху» отметила, что хотя исследование сельских поселений Колхиды античного времени началось сравнительно недавно, накопленный за последние годы археологический материал позволяет приступить к изучению взаимоотношений этих поселений с эллинистическим миром. Судя по раскопкам Дапнарского селища и могильника (Самтредский р-н) IV—III вв. до н. э., земледельцы были потребителями различных импортных товаров. Появляются новые формы в местной керамике, новые элементы — в погребальном обряде. Аналогичная картина наблюдается и в других поселениях Западной Грузии.

О памятниках эллинистической культуры, найденных в 1978—1979 гг., рассказал *О. Д. Лордкипанидзе* (Тбилиси) в докладе «О новых раскопках в Вани». На городище был исследован уникальный по своей конструкции алтарь II—I вв. до н. э., представляющий собой платформу с шестью прямоугольными и шестью полукруглыми ступенями. В «сокровищнице» алтаря обнаружены колхидская керамика, глиняные пирамидальные грузила для ткацкого станка (свыше ста штук), железные наконечники копий и кинжал, бронзовые умбоны, серебряные статуэтки обнаженных юношей и медальон с бюстом богини, две золотые пластинки с изображениями (на одной из них — арамейская надпись) и др.

С докладом «Буллы эллинистического времени из раскопок Кабалы» выступил *И. А. Бабаев* (Баку), который обратился к изучению оттисков печатей III—I вв. до н. э., найденных на городище Кабалы — главного города Кавказской Албании. Докладчик проанализировал изображения на буллах, оттиснутые, судя по сюжетам и стилистике, как местными, так и привозными печатями.

Своего рода связующим звеном между докладами о Закавказье и Средней Азии явился доклад *А. М. Аюбяна* (Ереван) «Культурно-исторические контакты на эллинистическом Востоке», в котором была показана сложная картина взаимоотношений между независимыми государствами, возникшими в результате борьбы против власти греко-македонян, — Арменией, Кавказской Албанией и Парфией, — а также своеобразное влияние на них эллинистической культуры. Здесь ее распространение не встречало такого социального протеста, как в собственно эллинистических странах, однако воспринимались лишь те ее элементы, которые отвечали потребностям местного общества, подвергаясь к тому же более сильным модификациям.

Обращаясь к Средней Азии, следует начать с докладов *В. М. Массона* (Ленинград) «Эллинистический фактор в культурогенезе древней Средней Азии» и *Г. А. Пугаченковой* (Ташкент) «Черты эллинизма в искусстве среднеазиатско-пенджабского региона».

В. М. Массон, исходя из положения о том, что разное соотношение трех основных компонентов — традиционного (местного), античного и кочевнического — определило особенности развития отдельных культурных областей Средней Азии, показал роль эллинистического фактора в разные хронологические периоды. Переломным в культурогенезе он считает конец II—I в. до н. э., когда «завершается ориентально-эллинистический синтез». В то же время местные культуры быстро адаптируют то новое, что принесли с собой кочевники. В распространении эллинистических эталонов *В. М. Массон* особое место отводит кушанскому культурному комплексу.

В докладе *Г. А. Пугаченковой* речь шла о сложном процессе взаимодействия местных и эллинистических начал и эволюции эллинистических воздействий. В искусстве народов, заселявших территории Средней Азии, Афганистана, Пакистана и Северо-Западной Индии, роль эллинизма, по мнению докладчика, проявилась не столько в прямых художественных заимствованиях, сколько в появлении новых общественных идей и образов, выражаемых новыми средствами. Локальное начало оказалось наиболее стойким в архитектуре. В сфере изобразительного искусства восприятие эллинизма захватило в основном парфянский — бактрийский — индийский пояс. Формы этого про-

цесса были разными: от появлений произведений эллинистического искусства до торжества местных начал, растворивших в себе эллинистический элемент.

Новые материалы, полученные при раскопках в разных регионах Центральной Азии за последние годы, послужили темой доклада *Б. Я. Ставиского* (Москва) «Античные элементы в культуре Средней Азии. Новые материалы». Работы Советско-Афганской экспедиции на севере Афганистана, Французской — на городище Ай-Ханум, раскопки Каменного городища в Таджикистане и др. дополнили и углубили наши представления о роли античных элементов — различной в разные периоды и в разных регионах — в культуре Греко-бактрийского царства, а также кочевых завоевателей его земель в I в. до н. э. — I в. н. э. и др.

Местные и эллинистические традиции в культуре отдельных областей Таджикистана и Узбекистана были рассмотрены в докладах *Х. Ю. Мухитдинова*, *А. Д. Бабаева*, *Б. А. Тургунова*, *Т. В. Беляевой* и *М. Х. Исамиддинова*.

Разнообразный материал с городища Саксанохур (Южный Таджикистан), как считает *Х. Ю. Мухитдинов* (Душанбе), выступивший с докладом «Местные и эллинистические традиции в материалах Саксанохура», позволяет говорить о различном влиянии эллинских традиций в отдельных областях материальной и духовной жизни в греко-бактрийский и кушанский периоды. Наиболее прочными местные традиции были в религии, о чем свидетельствуют короластика и погребальные обряды; эллинское влияние сильнее всего обнаруживается в архитектуре.

В докладе *А. Д. Бабаева* (Душанбе) «Местные эллинистические традиции культуры Северной Бактрии» был дан анализ монет, архитектурных деталей (черепица и антефиксы), терракот и других находок, сделанных за девять лет раскопок Чим-Кургана.

Объектом доклада *Б. А. Тургунова* (Ташкент) «Элементы эллинистической архитектуры в Южном Узбекистане» были новые архитектурные детали, найденные в 1964—1966 и 1979 гг. в Айртаме, известном своими скульптурными фризами. Здесь встретились индийская и эллинистическая культуры, оказавшие определенное влияние на местное искусство.

Т. В. Беляева (Душанбе) в докладе «Об эллинистических элементах в керамике Ходжента» проследживает развитие в керамике этого города (Александрия Эхсата) тех черт, которые связываются докладчиком с оседанием здесь части войска Александра Македонского.

В докладе «Керамика Согда в эпоху эллинизма» *М. Х. Исамиддинов* (Самарканд) рассмотрел эллинистическую керамику, найденную за последние годы в Бухарском и Кашкадарьинском оазисах. По мнению докладчика, степень эллинизации здесь слабее, чем в Самарканде.

Различные аспекты религиозной жизни эллинистического Востока послужили темой докладов *Ж. Д. Хачатряна*, *Ю. М. Гагошидзе*, *А. В. Бохочадзе* и *Н. Г. Мирианшвили*, *С. Ю. Сапрыкина*.

Анализ многочисленных терракотовых статуэток всадника I—II вв., обнаруженных при раскопках Арташата, Армавира и Гарни, был дан *Ж. Д. Хачатряном* (Ереван) в докладе «Образ Митры в античной короластике Армении». В этих статуэтках наиболее ярко выражены особенности западного и восточного направлений в местной короластике. *Ж. Д. Хачатрян* склонен видеть в статуэтках всадника изображение Митры — одного из наиболее почитаемых в Армении божеств. Почитание Митры имело в Армении ряд местных особенностей (в празднествах, в типах изображений) и, как предполагает докладчик, было связано с культом предков, с культом обожествленных царей.

Изучению маздеизма в эллинистической Грузии посвятил свой доклад «О грузинском язычестве в III—I вв. до н. э.» *Ю. М. Гагошидзе* (Тбилиси), который, основываясь на показаниях разносторонних источников — археологических, эпитафических и письменных, полагает, что в эллинистическую эпоху в Грузии большое распространение получил маздеизм своеобразного толка, проникший сюда еще в эпоху Ахеменидов и слившийся с местными культами (астральными и культами плодородия). Это был

родовой культ царствующего рода Парнавазианов, однако до уровня государственной религии он не поднялся.

Широкое распространение в античной Иберии культа Диониса показали в докладе «О распространении культа Диониса в античной эпохе Картлийского царства» *А. В. Быхочадзе и Н. Г. Мирианашвили* (Тбилиси). Среди памятников, открытых в ходе раскопок 70-х гг., — великолепные терракотовые статуэтки Диониса и Ариадны II в. до н. э., обнаруженные на городище Саркине, и замечательная многофигурная мозаика, открытая на городище Дзалиса. На ней изображены в обрамлении богатого геометрического и растительного орнамента Дионис с Ариадной, Пан, две молодые женщины в длинных одеяниях с музыкальными инструментами в руках, два крылатых божества и др. Греческая надпись сохранила имя сделавшего эту мозаику мастера — Приска, который просит вспомнить о нем.

Спорному вопросу о характере одного из боспорских культов был посвящен доклад *Сапрыкина С. Ю.* (Москва) «Культ Деметры в Боспорском царстве (VI—II вв. до н. э.)». Докладчик считает, что если первоначально Деметра почиталась преимущественно как земледельческое божество, то в позднеллинистический период под влиянием местных религиозных представлений и восточных мистериальных культов хтоническая ипостась Деметры возобладала.

К боспорскому материалу обратился и *А. А. Масленников* (Москва) в докладе «О некоторых аспектах взаимоотношений местных и эллинской культур на Боспоре в IV—I вв. до н. э.». Рассмотрев погребальный обряд, тореитику, скульптуру и военное дело, докладчик пришел к выводу, что греческое влияние на Боспоре в указанный период было доминирующим и эллинизация стала определяющей тенденцией, но процесс этот шел в разных областях культуры по-разному.

Д. Б. Шелов (Москва) в докладе «Позднеллинистические города Северного Причерноморья в составе державы Митридата VI» показал ошибочность представления о враждебности северопричерноморских городов понтийскому царю. Они были, видимо, одной из опор власти Митридата в течение всей первой четверти I в. до н. э., сохраняя некоторые остатки автономии. Недовольство городов властью Митридата проявилось лишь на последнем этапе его борьбы с Римом и было вызвано неудачами царя в этой войне и тем неблагоприятным положением, в котором они оказались после 70 г. до н. э.

В отдельную группу можно выделить доклады, основанные на нумизматическом материале. *Х. А. Мушегян* (Ереван) прочитал доклад «К изучению состава денежного обращения античной Армении». Монеты местного чекана поступают в обращение с середины III в. до н. э. С конца III в. до н. э. наблюдается прилив селевкидских монет, которые безраздельно господствуют до начала эмиссий царей рода Арташесидов. Во II—I вв. до н. э. значительное место в обращении занимали также парфянские и каппадокийские монеты. При последних Арташесидах заметное распространение получило римское серебро.

Как показывал *М. О. Зардарян* (Ереван) в докладе «О денежном обращении Арташата в свете торговых отношений Закавказья эпохи эллинизма», находки в Арташате монет Парфии, Селевкидов, Финикии, Nabatei, Kapпadoкии, Понта, Афин и др., в совокупности с данными других источников, позволяют восстановить картину широких связей города в эллинистическую эпоху. Изучение армянских монет, обнаруженных в Арташате, проливает также свет на некоторые проблемы внутриэкономической жизни страны.

С докладом «О распространении римских монет в Армении в I — начале II в. н. э.» выступил *Г. В. Саркисян* (Ереван). Денежное хозяйство Армении в это время находилось под воздействием Рима, отметил докладчик, однако ничтожно малое количество римских монет, известных здесь, затрудняет изучение проблемы во всей ее широте.

В докладе *В. И. Сариганиди и Г. А. Кошеленко* (Москва) «О датировке некрополя Тилля-тепе» рассматривался вопрос о датировке царского некрополя, обнаруженного в ходе работ Советско-афганской экспедиции на городище раннежелезного века Тилля-тепе (Северный Афганистан). На основе анализа монет, найденных в погребениях, докладчики относят некрополь к I в. до н. э. — I в. н. э.

Два доклада были посвящены изображениям парфянских и бактрийских царей на монетах. Изучающий парфянский портрет в контексте истории искусства *Р. Е. Вардамян* (Ереван) выступил с докладом «Парфянский портрет» и пришел к выводу, что итогом развития его была полная победа восточного (парфянского и, может быть, шире — иранского) начала над эллинским. Обратившись к изображениям правителей Бактрии на монетах с точки зрения их историко-познавательной ценности, *Е. В. Зеймаль* (Ленинград) в докладе «Бактрийский портрет» подверг их анализу в сопоставлении с титулатурой. Это сопоставление, по мнению докладчика, позволяет выявить ряд дополнительных регалий, имеющих специализированное значение и коррелирующих с определенными эпитетами в титулатуре царей. При всем реализме изображения царей были, в полном соответствии с восточными традициями, официальными портретами — с устойчивым набором атрибутов-эпитетов.

Различные стороны жизни Элама, насколько о них позволяют судить античные источники, были показаны в докладе *Ю. Б. Юсифова* (Баку) «Элам в античных источниках». Докладчик говорил о политической истории страны, о роли Суз как важного административного центра, об обитавших здесь народах, их хозяйственной деятельности, о взаимосвязи греческой и местной культур.

К проблеме эллинистических традиций в изобразительном искусстве Египта IV—VI вв. обратился в докладе «Живописные погребальные портреты из Египта» *А. Я. Какоекин* (Ленинград), который выделил две группы памятников, отражавших противоположные тенденции: выполненные энкаустикой изображения, свидетельствующие о живучести эллинистических традиций, и портреты, типичные для народного искусства контов.

В заключение хочется отметить, что конференция была хорошо организована и участникам была предоставлена возможность ознакомиться с архитектурными памятниками древней Армении (Гарни, Гегард, Звартноц, Эчмиадзин и др.) и результатами новых археологических работ в Арташате, Ширакаване и др.

Л. П. Маринович